

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82:801.6; 82-1/-9; 82-93; 087.5
DOI 10.23951/1609-624X-2017-2-87-92

ЖАНР АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО МИНИАТЮРНОГО РАССКАЗА О ДЕТСТВЕ: ПРОЗА АНГЕЛИКИ СУМБАЕВОЙ

Е. А. Полева

Томский государственный педагогический университет, Томск

Анализируются миниатюрные рассказы современного писателя Ангелики Сумбаевой. В них проявляются черты поэтики, свойственные автобиографической прозе о детстве в целом: психологизм, ретроспективность, лирическая модальность повествования. Вместе с тем объем миниатюры обуславливает особенности прозы А. Сумбаевой: лаконизм описаний, точность в подборе деталей. В миниатюрных рассказах выявляются особенности художественного пространства (в том числе использование атрибутивных признаков Сибирского региона, его климатического своеобразия), функции жеста, нюанса, фразы в передаче психологического портрета персонажей, повествовательные приемы, оформляющие отношение автора к автобиографическому персонажу.

Ключевые слова: современная сибирская литература, А. Сумбаева, детская литература, автобиографическая проза о детстве.

Автобиографические мини-рассказы о деревенской девочке Ленке, изданные в 2010–2011 гг. [1, 2] – литературный дебют Ангелики Сумбаевой¹. Как признается А. Сумбаева, истории, описанные в рассказах, она «пережила лично» [3].

Автобиография как жанр может тяготеть к двум полюсам – художественности и документальности [5, 6]. В случае с А. Сумбаевой речь идет о художественной автобиографической прозе, в которой «жизнь писателя становится протосюжетом, а его личность (внутренний мир, особенности поведения) прототипом главного героя» [6, с. 196], однако факты жизни переосмысливаются, верность собственной истории оказывается менее значимой, чем художественная убедительность сюжета и персонажей.

Проза А. Сумбаевой соответствует общим признакам жанра художественной автобиографии о детстве, поэтика которой обусловлена спецификой взаимоотношений между автором и героем. По мысли М. М. Бахтина, в автобиографической прозе автору сложно занять позицию «внеаходимости»

для создания полноценного, ценностно завершеного образа персонажа, поэтому «рассказчик-герой» «лежит как бы на границе рассказа, то входя в него как биографический герой, то начиная стремиться к совпадению с автором – носителем формы, то приближаясь к субъекту самоотчета-исповеди...» [7, с. 142]. При этом большая временная дистанция между автором и автобиографическим персонажем увеличивает возможности внесения завершающих черт в образ героя. По поводу трилогии Л. Н. Толстого М. М. Бахтин подмечает: «В „Детстве“ разнопланность (в изображении автобиографического героя и других персонажей. – Е. П.) почти не чувствуется, в „Отрочестве“ и особенно в „Юности“ она становится значительно сильнее: саморефлекс и психическая неповоротливость героя; автор и герой сближаются...» [7, с. 142]. Однако дело не только во временной дистанции, которая дает внешнее основание для завершения образа себя в прошлом, но и в установке автора и его способности стать трансгredientным по отношению к изображаемому миру. Делегируемое автором рассказчику отношение к автобиографическому герою обуславливает распределение ролей и функций, своеобразие повествования. В социально-бытовой автобиографии «обыкновенно более индивидуализована манера рассказывания, но главный герой-рассказчик только любит и наблюдает, но почти не действует, не фабуличен, ... и его активность уходит в наблюдение и рассказ» [7, с. 142]. В случае же различия рассказчика (или повествователя) и автобиографического героя (что

¹ А. Сумбаева родилась в 1968 году и провела детство «в немецкой деревне на Алтае», жила и работала в Кемеровской области, в Ростове-на-Дону. Занимается журналистской деятельностью под псевдонимом Вольф. Ее литературный дебют в 2010 г. был знаменован победой в номинации «Малая проза» конкурса алтайского электронного журнала для детей «Желтая гусеница» «на лучшее прозаическое и поэтическое произведение для детей среднего школьного возраста»; кроме этого, за цикл своих миниатюр о девочке Ленке А. Сумбаева получила приз журнала для детей «Кукумбер» «За психологическую точность» [3, 4].

присуще прозе А. Сумбаевой) возникает не просто распадение одного сознания на действующее и созерцающее-описывающее: в художественной автобиографии о детстве повествователь (или рассказчик) привносит завершающие моменты в образ персонажа, часто договаривая за него то, что персонаж-ребенок не может понять, осмыслить. Сфера персонажа здесь – эмоции, переживание, непосредственный опыт, сфера повествователя – обобщение, подведение итогов, улавливание закономерностей, концептуализация опыта [8].

Автобиографическая проза о детстве психологична в силу того, что призвана передать внутренний мир героя-ребенка посредством описания различных состояний чувств, мыслей, желаний, нюансов переживаний [9, с. 176], а также часто философична или этико-назидательна, так как рассуждения повествователя, как правило, поднимаются над конкретикой частной жизни к рассуждениям над экзистенциальными (выбор, ответственность, вина) и онтологическими (жизнь и смерть, бытийно обусловленное исчезновение детства, взросление) вопросами. И третье: поэтизация жизни ребенка, свойственная автобиографиям, обуславливает лирическую модальность в повествовании, усиленную и тем, что объектом художественного изображения становится не прошлое вообще, а собственное детство.

Художественные автобиографии о детстве чаще воплощены в объеме повести (Л. Н. Толстой, Н. Г. Гарин-Михайловский, С. Т. Аксаков, А. Пантелеев, Г. Белых, А. Гайдар, К. Чуковский, Ф. Искандер, П. Санаев, др.), реже – рассказа / цикла рассказов (В. Распутин, В. Астафьев, Б. Минаев, Н. Абгарян). Цикл *биографических* миниатюр встречается в детской литературе XX в., в частности в творчестве Б. Житкова («Что я видел?»). Однако Б. Житков, скорее, расчленяет произведение на миниатюры для облегчения восприятия текста, объединенного одной фабульно-сюжетной и повествовательной логикой. Иначе у А. Сумбаевой: каждый миниатюрный рассказ (до одной – полутора страниц) – самостоятельное произведение, обладающее законченной композицией.

Жанр миниатюры ограничивает использование приемов психологизма, характерных для художественных автобиографий: например, невозможны развернутые внутренние монологи персонажа, призванные воспроизвести мысли героя, воссоздать «реальные психологические закономерности внутренней речи», «речевую манеру... и манеру мышления» персонажа [10, с. 75]. Тем не менее ресурс поэтики психологизма остается актуальным: большое значение имеет крупный план, а также нюанс, мимическое движение, жест, деталь (портрета, пейзажа, интерьера).

Проиллюстрируем вышесказанное анализом миниатюр А. Сумбаевой, изданных в 2010 г. и составляющих цикл. Расположение рассказов в журнальной публикации (без общего названия) подчинено календарной хронологии: зима («Белые хочу!»), весна («Дворцы весенние»), лето («Щеко-тунчик в бочке»).

Малый объем прозаической миниатюры диктует строгий отбор художественных средств и выверенность повествовательной композиции для раскрытия авторского замысла. А. Сумбаева использует повествование от третьего лица, но передает мировосприятие девочки через несобственно-прямую речь. Например, описание пространства совмещает констатирующие характеристики повествователя и видение ребенка, эмоциональное, преобразующее реальность ассоциативным мышлением, позволяющем усмотреть в реальном мире приметы сказки (в миниатюре «Белые хочу!» зимняя деревня уподобляется царству Снежной королевы, в «Дворцах весенних» ранняя весна локализуется в чудесной, укрытой ото всех, кроме играющих в принцессы девочек, полянке в лесу).

Открывающий цикл первый рассказ начинается с конкретизации места («Ленкино село на Алтае совсем даже не зря называлось *Северным*» [1]) и лаконичного (в двух предложениях), но емкого и живописного описания суровой сибирской зимы: «Слезы, которые *зимой* вышибал *мороз*, катились по щекам *ледяным* бисером. *Занавесь* *иней* на ресницах мешала видеть тропинку, а двухметровые *сугробы* – дома!» [1] (здесь и далее курсив мой. – Е. П.). Посредством лексики с семантикой холода констатируется норма сибирской жизни, а интонация восклицания указывает, что эти условия исключительные, достойные эмоционального отклика. Мороз не вызывает уныния, так как в детском сознании реальность преобразуется в сказочную: «Поход из школы домой в такие дни превращался в путешествие по *царству Снежной Королевы. Студеное и бесконечное...*» [1]. Морозная улица противопоставлена теплоте дома («Дома мать натерла Ленке Щеки шерстяной варежкой...» [1]), кроме того, от холода спасет одежда и валенки. Значимость последних для сибирского жителя подчеркивается во фразе-поговорке: «...валенки сваял» – начинает мать, «„Морозу навалял“ – крикнула Ленка и рассмеялась» [1]. Валенки и становятся тем объектом, вокруг которого выстраивается сюжетная линия рассказа: в завязке Ленка узнает от пришедшей в гости подружки Ирмы «новость», что Ольке купили не просто новые, а «белые, как снег», валенки. В двух-трех фразах А. Сумбаева передает особенности речи детей, их эмоциональность, отзывчивость на, казалось бы, бытовые мелочи, которые в детском мире наделе-

ны статусом события, в которое трудно поверить: «Да ладно врать» (Ленка), «Только я, все равно, первая узнала» (Ирма).

В одном предложении воссоздается эмоциональное состояние, нюансы переживаний Ленки, прибежавшей к Ольке посмотреть на «чудо». Тогда как героиня пытается изобразить равнодушие, ноги выдают подлинное состояние нетерпения: «Ленка *очень старалась держаться независимо: на лице скука, ноги отбивают четкую*» [1]. Короткий диалог между девочками раскрывает роли, отношения, обусловленные ситуацией: Оля чувствует свое превосходство, торжество из-за обладания необычными, красивыми валенками, она степенна, спокойна («Чего „показывать“? – *протянула Оля*»; «...еще немного *помучила* Ленку и, наконец, *торжественно* вышла в новых валенках»); Ленка же эмоционально уязвима: «запрыгала от нетерпения», «онемела», не может скрыть свое желание примерить валенки, заполучить «это белое чудо», ассоциирующееся у нее с речными лилиями.

А. Сумбаева создает эмоционально напряженную интригу, каждым предложением выстраивая горизонт читательских ожиданий и каждым последующим корректируя возможные направления развития сюжета, обретающего очертания детективной истории. Не добившись от матери покупки белых валенок, Ленка не отступает от своей цели – получить такие же, «даже еще лучше»; «А через пару часов Ленка пропала» [1]. Последствия исчезновения девочки из дома могут быть драматичны и даже трагичны, учитывая лютой мороз на улице. А дочь не могли найти ни у подружки, ни в школе. Мать, отчаявшаяся найти дочь, вдруг слышит скрип: «В зале тихо отворился шифоньер. Женщина машинально встала, подошла закрыть дверцу и увидела торчашую из шифоньера ногу...

В полумраке, на стопках белья тихо посапывала Ленка. Она крепко обнимала валенок, наполовину выкрашенный школьным мелом. Нос у Ленки был белый-белый, как речная лилия...» [1].

Тяготеющее к бытовой зарисовке повествование включает элементы детективной истории (внезапного исчезновения) и завершается портретом в интерьере, поданным в лирической тональности, что свойственно автобиографической прозе о детстве: напряженность отношений, коллизий, составляющая суть повествования, в развязке снимается, проступает умиленное, вызывающее улыбку понимание и мотивов поступков ребенка, и переживаний взрослых (матери).

Второй мини-рассказ цикла «Дворцы весенние» поэтизирует сибирскую весну, долгожданную, наполненную в детском сознании предвкушением волшебства, на которое намекает природный мир – и поющие гимн весне птицы, и уничтожающее

царство льдов солнце: «Это самое „Ур-ра!“ плескалось и пело в Ленкиной душе в предвкушении чего-то совершенно волшебного...» [1].

Уже инверсия в названии рассказа указывает на лирическую модальность, которая поддерживается в повествовании. Ожидание волшебства от весны и самой весны как чуда природы – долгое, так как сибирская зима не отступает, и весна «все откладывала свой приход, испытывая Ленкино терпение». Детской нетерпеливостью обусловлены и события, описанные в миниатюре: не дождавшись таяния снега, подружки идут на лесную полянку играть в принцесс, а для этого нужно было построить дворцы.

А. Сумбаева поэтизирует созидательную и творческую функцию игры, посредством которой ребенок преобразовывает действительность, в привычном обнаруживает приметы сказочного мира: «Все вокруг было белым в черную крапинку *таинственных* писем на нежной коре берез» [1]. Летом девочки сооружали «купола дворцов» из материнских платков; а ранней весной сама природа им подсказала другой путь «строительства» – вытаптывать дворцы и улицы, создавая свое королевство, загадочный мир, «в который допускались только избранные». Смысл игрового созидания подчеркнут фразой, в которой содержится и улыбка, и уважение: «Подружки с гордостью посмотрели на дело своих ног» [1].

А. Сумбаева использует поэтику намека, не прямо, а опосредованно сообщая, что девочки забыли о времени, заигрались, не заметили, как наступил вечер: «Березы отбрасывали длинные *вечерние* тени, снег стал *матовым*, и, как будто источал легкую тревогу...» [1]. Вновь климатический фактор как бы обуславливает интригу: чувство тревоги, разлитое в природе и отмеченное повествователем, оправдано, так как долгие игры на природе *ранней сибирской весной* чреватые простудами, и Ленка заболела. Когда же через неделю девочки пришли на свою полянку, «им показалось, будто наст облили яркой изумрудной краской! Комнаты и залы, которые Ленка с Олькой старательно вытаптывали..., были сплошь покрыты нежной травой и первыми, пока робкими, бутонами подснежников» [1].

Так разрешается мотив ожидания чуда: оно не просто пришло с первым теплом – оказывается, сами дети своими силами приблизили приход весны, как бы помогли ей побороть сковывающую природу зиму. Осознание этого вызывает чувство восторга: «Это было настоящее чудо! Ковер снега и – лоскут весны!!! Весны, которую они сделали сами. САМИ!!!» [1]. А. Сумбаева использует графические средства (обилие восклицательных знаков, выделение слова прописными буквами), пере-

давая через несобственно-прямую речь ощущения девочек, их восторг.

Последний абзац рассказа начинается многоточием, означающим разрыв во временной организации текста: в нем повествуется о будущем. Открыв однажды способ приближения весны, девочки пользовались им каждый год, видя в этом объединяющий их секрет, тайну, магия которой нарушится, если о ней узнают окружающие: «Ленка точно знала: стоит проболтаться, и волшебство исчезнет» [1]. Последнее предложение реализует продуктивную для детской литературы стратегию причисления читателя к сообщникам, к хранителям тайны: «Тс-с-с, и вы никому не рассказывайте, ладно?» [1]. С другой стороны, оно через слово повествователя передает сознание ребенка, и ценящего тайну, и готового все-таки рассказать о ней «по секрету всему свету».

В последнем рассказе цикла «Щекотунчик в бочке» А. Сумбаева передает насыщенность летней сибирской жизни в деревне. Это время, когда некогда долго спать (сон Ленки «мгновенно умчался в специальный магазин, за новыми сновидениями») и невозможно грустить, так как полно самых важных и интересных дел (предупреждать косяков о птичьих гнездах, встречать отца с рыбалки и пр.). В центре повествования история о том, как в бочке с водой для полива, но служащей также для купания детей в начале сибирского лета (когда вода в прудах и озерах не прогрелась) *перезимовал и выжил* пойманный отцом Ленки карась: «За проявленный героизм решила Ленка отпустить пленника. Тот только хвостом на прощанье махнул» [1].

Таким образом, каждое время года оказывается интересным по-своему и своеобразно *чудесным* (чудо – сквозной мотив, объединяющий цикл). Детское сознание олицетворяет неживую природу, в обыденном видит волшебное, бытовое превращает в сказочное. Так и простой карась воспринят как герой, которому, как и Ленке, не поверят, подумают, что он ребенок-сочинитель невероятных историй: в рыбьей компании взрослые, не способные разглядеть чудо: «„Брехун! – скажут, – врет и глазом не моргнет!“ Ну и пусть не верят, главное, жив остался!!!» [1]. Так в соответствии с логикой цикла – от зимы к лету – последний рассказ заканчивается гимном торжествующей над морозом, над смертью жизни.

Проведенный анализ позволяет выявить особенности автобиографических мини-рассказов

А. Сумбаевой. Она использует не фигуру рассказчика (ретроспективно воссоздающего свое прошлое), а форму повествования от третьего лица, посредством которой можно «достоверно» показать внутренний мир персонажей. Учитывая специфику психологии ребенка (он не *раздумывает* над ситуациями, а *переживает* их), Сумбаева воссоздает образ маленькой героини как чувствующей; повествователь вносит рефлексивные моменты. Передавая Ленкины эмоции и чувства через несобственно-прямую речь, повествователь выполняет функции вербализации того, что девочка сама сформулировать не может. С другой стороны, так проявляется согласие повествователя с ребенком, принятие его картины мира, его восторга перед чудесами природы, дарами жизни.

По жанру рассказы – бытовые зарисовки, художественное пространство в них конкретизировано (поселок Северный близ Барнаула) и локализовано – дом, огород, полянка в лесу, улица; вместе с тем в миниатюрах возникает образ природного мира Сибири вообще, а автобиографический образ предстает как типичный, данный в узнаваемых, знакомых сибирскому читателю обстоятельствах.

Общая установка автора – «попасть в тональность восторженного восприятия мира, ожидания чуда от каждого следующего мгновения жизни, того самого, из далекого и такого золотого детства...» [3]. Это объясняет лиризм поэтики миниатюр. Еще одна особенность: при тщательно разработанной интриге (исчезновение Ленки; разлитая в бытии тревога, таинственный щекотунчик в бочке) миниатюры стремятся к «бессюжетности», лирической зарисовке, передаче настроения, ощущения. Существенную семантическую нагрузку в повествовании несут прилагательные, наречия и глаголы, передающие психологические состояния и переживания персонажей. Автору удалось создать эстетически завершенный и психологически убедительный образ девочки.

Миниатюры Ангелики Сумбаевой воссоздают мир детства как гармоничный, открытый новому, способный к принятию чуда, к преобразованию обыденности в мир сказки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-14-70005a(p) «Творчество сибирских писателей и сибирская тема в литературе XX – XXI века для детей и юношества».

Список литературы

1. Сумбаева А. Белые хочу! Дворцы весенние. Щекотунчик в бочке // Желтая гусеница. 2010. № 7. URL: http://www.adl-22.ru/ycp/?cmd=arhiv_number&id=7 (дата обращения: 12.04.2015).
2. Сумбаева А. Семь слоников и китайский болванчик. Федькина любовь // Желтая гусеница. 2011. № 9. URL: http://www.adl-22.ru/ycp/?cmd=arhiv_number&id=9 (дата обращения: 12.04.2015).

3. Главное – поймать правильное настроение: Интервью с победителем конкурса в номинации «Проза» Ангеликой Сумбаевой. URL: <http://www.adl-22.ru/ycp/?cmd=authors&id=161&type=Интервью с победителем конкурса в номинации «Проза» Ангеликой Сумбаевой&res=451> (дата обращения: 8.10.2015).
4. Вопрос, который изменил жизнь: интервью с Ангеликой Вольф // Наше время (Ростовская область). 2011. № 153. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12381/470482/> (дата обращения: 18.10.2015).
5. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1971. 1977. 443 с.
6. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта: Наука, 2002. 424 с.
7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
8. Полева Е. А., Писаренко А. Е. Приемы психологизма в рассказе В. Распутина «Уроки французского» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 11 (176). С. 131–136.
9. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988.
10. Есин А. Б. Литературоведение. Культурология: избранные труды. М.: Флинта: Наука, 2002.

Полева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: polevaea@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 22.10.2016

DOI 10.23951/1609–624X-2017-2-87-92

GENRE OF THE AUTOBIOGRAPHICAL MINIATURE STORY ABOUT CHILDHOOD: ANGELIKA SUMBAYEVA'S PROSE

E. A. Poleva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The article is devoted to the research of autobiographical miniature stories of the modern writer Angelika Sumbayeva. Classical works (M. Bakhtin, L. Ginzburg etc.) give the ideas of typological signs of poetics of autobiographical prose of the childhood which are observed in A. Sumbayeva's prose: psychologism, retrospective view, lyrical modality of the narration caused by the attitude of the storyteller towards the hero. At the same time the volume of a miniature causes features of A. Sumbayeva's prose: laconicism of descriptions, accuracy in selection of details; transfer of psychological state through nuance, details. The article analyses in detail the cycle of the stories published in 2010 in the magazine for children "A Yellow Caterpillar" and built according to calendar chronology (winter, spring, summer). In miniature stories the features of art space come to light (including, the use of attributive features of the Siberian region, its climatic originality), functions of gesture, nuance, phrases in the transfer of a psychological portrait of characters, narrative techniques which form the author's attitude towards the autobiographical character (for example, use of the narration in third person, but transfer of attitude of the child associating reality with the fantastic world through the direct speech). In miniatures there is an image of the natural world of Siberia in general, and the autobiographical image appears as typical, given in circumstances, recognizable, familiar to the Siberian reader. Miniatures of Angelika Sumbayeva recreate the world of childhood as a harmonious, open to the new, capable to take a miracle to transform the ordinary into the world of fairy tales.

Key words: *children's and youth literature, Siberian writers and poets, A. Sumbaeva, autobiographical prose about childhood.*

References

1. Sumbaeva A. Belye khochu! Dvortsy vesenniye. Shchekotunchik v bochke [I want the white ones! Spring palaces. Duster in a barrel]. *Zheltaya gusenitsa – Yellow caterpillar*, 2010, no. 7 (in Russian). URL: http://www.adl-22.ru/ycp/?cmd=arhiv_number&id=7 (accessed 12.04.2015).
2. Sumbaeva A. Sem' slonikov i kitayskiy bolvanchik. Fed'kina lyubov' [Seven elephants and a bobblehead. Fed'ka's love]. *Zheltaya gusenitsa – Yellow Caterpillar*, 2011, no. 9 (in Russian). URL: http://www.adl-22.ru/ycp/?cmd=arhiv_number&id=9 (accessed 12.04.2015).
3. *Glavnoye – poymat' pravil'noye nastroeniye: Interv'y u s pobeditelem konkursa v nominatsii "Proza" A. Sumbaevoy* [The main thing – to catch the right mood: Interview with the winner in the nomination "Prose" by Angelika Sumbaeva] (in Russian). URL: [http://www.adl-22.ru/ycp/?cmd=authors&id=161&type=Interv'y u s pobeditelem konkursa v nominatsii "Proza" Angelikoj Sumbaevoy&res=451](http://www.adl-22.ru/ycp/?cmd=authors&id=161&type=Interv'y u s pobeditelem konkursa v nominatsii) (accessed 8.10.2015).
4. *Vopros, kotoryy izmenil zhizn': interv'y u s Angelikoy Vol'f* [The question that changed the life: an interview with Angelika Volf]. *Nashe vremya (Rostovskaya oblast') – Our time (Rostov region)*, 2011, no. 153 (in Russian). URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12381/470482/> (accessed 18.10.2015).
5. Ginzburg L. *O psikhologicheskoy proze* [On psychological prose]. Leningrad, 1971. 1977. 443 p. (in Russian).
6. Nikolina N. A. *Poetika russkoy avtobiograficheskoy prozy* [The poetics of Russian autobiographical prose]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2002. 424 p. (in Russian).

7. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Compiler S. G. Bocharov, notes by S. S. Averintsev and S. G. Bocharov. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p. (in Russian).
8. Poleva E. A., Pisarenko A. E. Priemy psikhologizma v rasskaze V. Rasputina "Uroki frantsuzskogo" [Methods of psychologism in V. Rasputin's story "French Lessons"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2016, no. 11 (176), pp. 131–136 (in Russian).
9. Esin A. B. *Psikhologizm russkoy klassicheskoy literatury* [Psychologism of Russian classical literature]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988 (in Russian).
10. Esin A. B. *Literaturovedeniye. Kul'turologiya: izbrannyye trudy* [Literary criticism. Cultural studies: selected works]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2002 (in Russian).

Poleva E. A., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: polevaea@sibmail.com